

Раздел IV
ПРИГЛАШАЕМ К ДИСКУССИИ

Part IV. INVITATION TO DISCUSSION

УДК 122/129 + 316.3/4

**ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ АКСИОМАТИКА КАК
ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ ВОСТРЕБОВАННОСТЬ ВРЕМЕНИ***

Я. С. Турбовской (Москва)

**PEDAGOGICAL AXIOMATICS AS THE FUNDAMENTAL
DEMAND TIME**

J. S. Turbovskej (Moscow)

Мы живем в удивительное время. Трагичное, глухое и порой невыносимое. И все же – именно удивительное. И удивительность эта возникла из-за того, что как бы враз, одновременно обрушились все фундаментальные социальные ориентиры, с позиций которых человек мог находить (и находил) ответы на все жизнью выдвигаемые вопросы, с позиций которых определял свои цели, осуществлял свой выбор, принимал судьбоносные решения, давал советы, воспитывал – как считал нужным и правильным – своих детей, обретал, наконец, внутреннюю уверенность. И, конечно, знал, что хорошо и что плохо, к чему стремиться, что ценить и уважать, чем увлекаться, что поддерживать, а что отвергать.

И это перечисление может быть продолжено, без преувеличения, до бесконечности, которая так или иначе восходит в своей сути к самой главной в своей фундаментальной значимости проблеме – как нам, не знающим даже для себя ответов на эти вопросы, жить в современном социуме, бытие и поступательное развитие которого без принимаемых и разделяемых всеми нами ответов на них невозможно. *Невозможно!*

Атомизированный социум, лишенный необходимых структурных в своей органичности связей, вынужденно превращается в социальный хаос, называемый в физике броуновским движением. «Кто куда и кто во что горазд». И наша сегодняшняя общественная жизнь именно это самым убе-

* Продолжение читайте в следующем номере.

© Турбовской Я. С., 2013

Турбовской Яков Семенович – доктор педагогических наук, профессор, заведующий лабораторией философии образования, Институт теории образования и педагогики РАО.

E-mail: turbovskey@itiprao.ru

дительно доказывает. Но, может быть, лучше всего эту ситуацию выражают наши непрекращающиеся призывы к усилению роли общества в жизни страны, изначально основанной на неременном наличии духовно-нравственного и ценностного единства многомиллионных масс как фактора, определяющего наше каждодневное бытие. И все наши попытки выявления мнения людей по тому или иному вопросу, той или иной проблеме, бесконечное использование рейтинговых оценок, да и существующая система политических выборов, при всей своей очевидной недостаточной эффективности, неопровержимо свидетельствуют о глубинной потребности общества в самоорганизации и выявлении путей ее удовлетворения. Причем потребности, настолько остро о себе заявляющей, что без ее обеспечения жить по-человечески, да и оставаться человеком, невозможно.

Мы все хотим социальной стабильности, благополучия, уверенности в завтрашнем дне, иметь возможность хоть как-то планировать свою жизнь, будущее наших детей и, конечно, устранения из нашей жизни жестокости во всех ее проявлениях, преодоления всеобщего бедлама и коррумпированной преступности. Причем хотим настолько, что отказались, по сути, от требований всякого рода свобод, включая даже свободу слова. Ибо когда в обществе нет социального согласия, когда нравственные нормы в открытую попираются, а проблема репутации человека, по сути, выведена за пределы отечественной морали, а откровенно неприкрытый, буквально позорный пиар правит бал, возникает вынужденная необходимость уповать на жесткую силу государственного аппарата. Мы не только смирились с мыслью о единственно возможном решении наших проблем на основе совершенствования государственной машины, но и считаем необходимым всемерно способствовать проявлению государственной воли на каждом метре (как писал А. С. Макаренко) советской земли. Правда, он в эти слова вкладывал совсем иной, в сути своей духовно-нравственный смысл, но в данном случае важна формулировочная точность самой фразы.

Мы, будучи законопослушными, не только смиряемся с такой очевидно гипертрофированной ролью государства, но и видим именно в ней гарантию решения всех волнующих нас проблем. И для этого нам нужно как можно активнее помогать государству в осуществлении своей судьбоносной миссии. Рассматривая именно государство как социальную панацею, мы даже не понимаем достаточно четко и определенно, от чего зависит требуемая каждому из нас и обществу в целом ее преобразующая эффективность. Именно четко и определенно. Ибо речь идет о необходимости активной и непрестанной разработки законов, с позиций которых мы сможем не только находить ответы на волнующие нас вопросы, но и жить достойно и в меру счастливо.

Справедливости ради надо отметить, что счастья нам всем никто не обещает. И если позволить себе толику иронии, то это даже правильно и справедливо, что нам хотя бы возвращают (и будут возвращать) определенную часть собранных с нас же налогов. Содержание государства, которое решает столь необходимые каждому задачи и без которого обойтись по определению невозможно, дешево обходиться не может. И выработка требуемых ему законов – это реальный вклад в общественное бытие

страны. И действительно, надо признать, что с помощью принимаемых в современных условиях законов не так уж мало делается и сделано. И отмечаю я этот факт не для того, чтобы начать перечисление сделанного, а для того, чтобы подчеркнуть ни с чем несравнимую сейчас для страны и всего населения роль закона, и, конечно, его флагмана – Конституции, без неукоснительного соблюдения положений которой сколько-нибудь жизнь общества и каждого из нас невозможна и немислима. Конечно, если иметь в виду жизнь, достаточно пристойную и нормальную в простом понятном каждому человеку смысле. Поэтому действительно надо всемерно поддерживать государственные законы, и, конечно, стремиться их совершенствовать и обогащать.

Но вот над чем нельзя не задуматься. Мы уже в течение двух десятилетий, будучи уверенными, что все упирается в эффективность принимаемых законов и их текстовых формулировок, занимаемся непрерывным законотворчеством. А в ряде случаев, мягко говоря, недостаточную эффективность принимаемых законов объясняем отсутствием необходимых для этого «механизмов». И начинается поиск путей повышения требуемой эффективности принятых законов, как правило, приводящий к многочисленным дополнениям, уточнениям и всякого рода подзаконным актам. Что неодолимо выражается в уточняющих формулировках, дополнительной аргументации и содержательной корректировке, приводящей к новым смысловым определениям и бесконечным уточняющим формулировкам.

Таким образом, возникающее и проявляющееся при соприкосновении с реальной действительностью несовершенство закона вынужденно обуславливает и порождает необходимость его непрерывного улучшения, что создает ситуацию, очень похожую на недостижимое *perpetuum mobile*. Но это, к сожалению, печальная шутка.

Неиссякаемая устремленность к изобретению все новых и новых законов – в действительности не выдумка и бесполезная инициатива изнывающих от безделья схоластов и законников-юристов, а чрезвычайно острая, ощущаемая государством и обществом потребность, без удовлетворения которой не только жить и развиваться, а даже выживать невозможно. И понимая это, ни у кого не подымется рука бросить камень ни в идеологов, ни в непосредственных разработчиков законодательных формулировок. Нужно, повторюсь, это дело. И каждая продуманная и отшлифованная формулировка полезна и нужна.

Но все громче заявляет о себе еще недавно не столь заметный камень преткновения, на который мы все время натываемся, и не натываться не можем. Формальная логика, являющаяся фундаментальной основой юриспруденции и каждой законодательной нормы, по определению изначально и не сопряжена с реальной действительностью, с ее неизбежной, неустранимой противоречивостью и диалектичностью не отражаемой в сколько-нибудь отработанной формулировке. Нет – и не может быть – такой юридической нормы, которая не могла бы быть оспоренной, и нет ни одного вербально-логического суждения, которое в том или ином конкретном случае не только потребует содержательных уточнений, но и просто может быть отвергнуто.

И этот непреодолеваемый и неустраняемый разрыв между формулируемыми законами и реальной действительностью, которая, с одной стороны, порождает потребность в этих самых законах, а с другой – в каждом конкретном случае раскрывает их несостоятельность, создает обстановку непрекращающихся конфликтов, споров, общественной сумятицы и разобщенности. И так этот разрыв заявляет о себе даже в суде, где, казалось бы, закон и только закон должен править бал, и если бы только юристы, создавая законы, находили и множили пути и возможности лавировать между ними и обходить их, то было бы еще полбеды. Пусть бы себе в своем особом мире, своими изощренными путями убеждали нас, что в суде якобы происходит процесс «установления истины». И надо признать, что именно этот арсенал используемых, предельно формализованных аргументов, носящих характер «очевидных доказательств», оказался настолько впечатляюще значимым, что стал в современных условиях во многом сказываться и на общественном сознании, и на общественном мнении. Его носителям удалось эту изначально несовершенную, избыточно формализованную машину представить как универсальное средство решения всех наших общегосударственных и социальных проблем. Причем на всех уровнях, включая и межличностный. И победная поступь администрирующего формализма уже проникла во все поры общественного сознания. Причем смогла проникнуть настолько глубоко, что мы (теперь все без исключения) включаемся в бесконечные дискуссии, направленные на выявление требований, определений, формулировок, якобы полностью раскрывающих суть любых явлений, что и – по замыслу – позволит повысить эффективность наших законов и принимать необходимые управленческие решения.

Лишившись единой для всех идеологической матрицы – марксистско-ленинской идеологии, с позиций которой мы раньше объясняли все происходящее с нами и в нас – мы жадно потянулись к формализованной «палочке-выручалочке», сулящей столь значимую простоту и содержательную однозначность. И в результате, со стороны каждого из нас эта возникшая (вытесняющая идеологическую зашоренность) устремленность, кроме надежд и благодарности, ничего вызывать не может. Ибо она – с позиций распространенных в наше время представлений – отражает самую основную потребность человеческого сообщества: жить по всеми разделяемым правилам и законам. И это она, с позиций современных юридических установок, отражает веление времени, понимаемое как системная совокупность условий, в которых нам всем исторически приходится совместно сосуществовать и жить.

И надо искренне признать, что разрыв, существующий между принимаемыми законами и противоречивостью реальной действительности, и суд, строящий свою деятельность на основе очевидно несовершенных законов или милиция (полиция), занимающаяся в массовом порядке возмущающими общественность злоупотреблениями, – меньшее зло, нет, не так: *несравнимо меньшее зло*, чем вообще отсутствие каких бы то ни было законов, таких судов и даже – такой милиции (полиции). И пока жесткость и жестокость возникающих в социуме отношений, включающих в себя даже такие крайние, как убийства, грабежи, любые формы насилия, столь ак-

тивно проявляются в социуме, принятие неотложных законов и вера в их силу, повторяюсь, будут и должны быть фундаментальной основой бытия государства и общества.

И, естественно, чем больше наше общественное бытие охватывается законом, строится на основании принимаемых законов, тем лучше. Причем, лучше не столько как некая сравнительная оценка, сколько как реальная потребность, без удовлетворения которой жизнь становится в ряде случаев просто невыносимой.

Но все в жизни общества и государства, раньше или позже, подвергается изменениям и не может не изменяться. И государству, как правило, удастся справиться со стихийной социальной разнузданностью, а жизнь в ее каждодневной обыденности начинает худо-бедно приобретать очертания элементарной стабильности, не несущей ежеминутно угрозу (в прямом смысле этого слова) каждому человеку. И для подтверждения этого утверждения нам, как говорится, далеко за примерами ходить не надо. 1990-е годы названы «лихими» не только потому, что была выдвинута и реализована идея, что рынок как чудодейственная панацея решит буквально все, а не только экономические проблемы. И в результате было разрушено все то, что с таким трудом и ценой таких жертв создавалось в течение многих десятилетий; в открытую стала править бал не только примитивно индивидуалистическая, но и безжалостная и циничная воровская и бандитская мораль, со всеми присущими ей нормами поведения. И не только ночью, но и днем в те годы стало небезопасно в простом физическом смысле этого слова появляться на наших улицах. Преступность настолько захлестнула страну, ее политическое и нравственное бытие, что не скрывающие своих имен и кличек бандиты становились политическими и государственными деятелями. И понадобились десятилетия, чтобы хоть как-то, с огромными нравственными и духовными потерями справиться с такой напастью. Но и как после разгульного дебоша, когда все оказывается в квартире перевернуто вверх дном, и приходится – что поделаешь? – убирать и приводить в порядок, так и в стране, подвергшейся такой безрассудно шоковой операции, возникает ситуация, требующая системно – сверху донизу – налаживать жизнь, необходимую человеку и достойную человека.

Именно сверху донизу, включая отношения человека к государству, обществу, семье, своим (и не своим) детям, к другим людям, к себе самому, наконец. И именно из такой ситуации и требуемой для этого «уборки», как выясняется, найден (и по сей день предлагается) единственный выход: кардинальное усиление законотворческой деятельности, призванной буквально расписать, что можно, нужно и чего даже нельзя делать в каждом конкретном случае, в каждой жизненной ситуации.

Общество не только вынужденно, но и осознанно исходит из того, что разрыв, существующий между принимаемыми законами и бесконечной противоречивостью действительности, а также деятельность государственных учреждений, включая судебные и исполнительные органы, строящаяся жизнь государства и общества на основе этих законов, неодолимо порождаящих бесконечное множество конфликтов, – несравненно, как отмечалось, *меньшее зло, чем отсутствие каких бы то ни было законов.* И

пока, повторюсь, жесткость и жестокость возникающих в социуме отношений, включающих в себя даже такие крайности, как убийство, грабеж, насилие, достаточно откровенно и, по сути, бесчеловечно заявляет о себе, принятие законов будет вынужденной мерой, а вера в их силу и необходимость были, будут и *должны быть* фундаментальной основой бытия общества и государства. И чем больше жизнь человеческого сообщества, наше бытие охватывается законами, тем лучше.

Но наша жизнь, действительно, начинает входить в какие-то берега, государству удается справляться со стихийной социальной разнузданностью, с улиц городов исчезает тотальная угроза жизни и кошелек каждого члена общества. И возникает принципиально другая ситуация, при которой жесткая, буквально топорная социальная неуклюжесть закона при сколь угодно высоком уровне вербальной изощренности не только перестает соответствовать требованиям жизни человека и общества во всей их сложности, но и буквально превращается в своеобразный перевертыш, начинающий разрушать с таким трудом давшуюся стабильность.

ВЗГЛЯНУТЬ НА СЕБЯ. Так возникает, может быть, самая основная в жизни человечества проблема, суть которой – в выяснении роли социальной стабильности как фундаментальной основы общественного бытия и развития и в уточнении: почему она приводит к неодолимым противоречиям с законом? Чрезвычайно любопытно, что в словарях нет определения понятия «стабильность», а есть множество определений, образованных от него. Например, «стабильный», «стабилизировать», «стабилизироваться» или «стабилизация», но все они, в сути своей, отражают присущее человечеству стремление к установившимся, привычным и достаточно удобным формам общественного совместного бытия. Социальный смысл и предназначенность стабильности в том и состоит, что жизнь, повседневный быт и распорядок подчиняются каким-то определенным правилам, позволяющим каждому члену общества, его структурным образованиям – и обществу в целом – полноценно жить и развиваться. И, таким образом, «стабильность» – это определенное состояние государства и общества, которое возникает благодаря постоянно осуществляемым усилиям, отражающим насущные потребности социального бытия, и поэтому общество стремится (что не всегда ему удается) во что бы то ни стало ее упрочить и как можно дольше сохранить. И каким бы ни было общественное устройство (начиная с первобытно-общинного) стремление к стабильности оставалось (и остается) неизменной, фундаментальной основой социального бытия и развития. И без какого-либо преувеличения можно считать, что возникшая и осознанная необходимость в принятии законодательных норм объясняется неустранимой потребностью любого социума в стабильности.

Но возникая и упрочиваясь на основе законодательных норм и законов, стабильность, будучи определенным состоянием общественной жизни и развития, с каждым днем все больше влияет на реальную действительность, захватывает все стороны бытия на всех структурных уровнях, вплоть до межличностных отношений. И именно этим объясняется буквально насущная необходимость в непрерывной законодательной активизации. Усложняющийся мир общественных отношений, охватывающий не

только взаимодействие юридических, но и физических лиц, с одной стороны, не может не порождать социальных потребностей во все новых и новых законах, а с другой – еще с большей силой выявляет их априорно генетическую неспособность отражать, «схватывать» общественные отношения во всей их сложности и неустраняемой противоречивости.

Человек, с его миром чувств, устремлений, мотивов, всем тем, что неодолимо сказывается на его отношениях, целях, поступках, не может быть «уложен» (как ни укладывай) в прокрустово ложе формальных норм и законов. И чем больше человек начинает проникать в свой собственный внутренний мир, чем больше осознается и обществом, и им самим насущная необходимость в поисках средств, способных отражать и учитывать происходящие сущностные изменения в общественных отношениях, тем активнее он включается в их поиск. И тем большую роль в общественной жизни, во всех сферах межличностных отношений начинают играть не формально законодательные, а более тонкие и лично значимые этические нормы нравственности. Появление известных миру десяти заповедей не только стало концентрированным отражением и воплощением мудрости, раскрывающей нравственные императивы поведения, достойного человека, но и исторически новой вехой целенаправленного создания духовно-нравственного бытия не только отдельных государств и существующего множества этносов, но всего человечества. И в этом пространстве, создаваемом юридической совокупностью законов и моралью, проходит и размещается, образно говоря, жизнь общества и каждого человека. При этом, когда речь идет о стабильности общественного и государственного бытия, просматривается закономерная зависимость. *Чем сильнее и эффективнее сказываются на общественных отношениях требования морали, чем сильнее они влияют на мотивацию, решение и поступок человека, тем прочнее и системнее проявляется и заявляет о себе социальная общественная стабильность.* И наоборот, *чем больший ареал общественных отношений вынужденно охватывается законодательными требованиями, а не нормами морали, тем слабее фундаментальные основы государства и ниже требуемый обществу уровень социальной стабильности.* И с позиций современной цивилизации гармонизация соотношений обязательных требований законов и моральных установок является оптимальной основой государственного и общественного бытия, находящих свое отражение в демократически одобренной и принятой государственной конституции. И, таким образом, Конституция, чьи положения разделяются большинством населения, является официальным осуществлением сочетания единства законодательных и моральных требований, определяющих всю совокупность государственных и общественных отношений. *Пока реально происходящие в общественной жизни процессы протекают в рамках конституционных требований или даже выходят за них, не разрушая самой Конституции, социальная стабильность при всех возможных динамических изменениях сохраняется.* Правда, векторная направленность процессов, выходящих за пределы конституционных требований, несет в себе отражение противоположных тенденций, служащих либо разрушению сложившейся стабильности, либо ее прогрессирующе укрепляющему развитию. Но – и это *закономерность* процесса истори-

ческого развития – в том и другом случае эти тенденции являются объективными индикаторами неизбежных грядущих изменений. И их научное выявление позволяет определить, какие целенаправленные усилия со стороны государства и общественных структур, в случае совпадения интересов, могут быть совместно оперативно предприняты или – в случае противоположности такого рода интересов – допустимы в рамках действующей Конституции.

Таким образом, решение проблем обеспечения социальной стабильности решалось и решается с парадигмальной позиции «большинства – меньшинства», с разной степенью жесткости осуществляющего свою политическую волю, закрепленную в Конституции. И следовательно, все, что связано с фундаментальными основами и государственным, и общественного бытия, определением, что «хорошо» и что «плохо», является социальным достижением (или провалом) и определяется декларируемой (или реально проводимой) логикой требований «большинства». Все социологические раскладки и выводы, вся аналитическая отчетность на всех государственно-структурных уровнях, реальная эффективность деятельности любого учреждения определялась (и определяется, даже в наш XXI в.) логикой требований большинства или выдаваемой за требования большинства. И этот императив в самом сколь угодно демократически развитом обществе фундаментально незыблем. Так дело обстоит в самых развитых странах и тем более в тех, которые только примеряют на себя «демократические одежды».

И в тех исторических условиях, когда происходящие социальные конфликты так или иначе укладываются в требования конституционного императива и логика преобладающего большинства провозглашается определяющим фактором общественных отношений, государство находится в состоянии *определенной стабильности*. И не больше. В данном случае подчеркивается *«определенное»* состояние социума, потому что сколь угодно явно выражаемая стабильность не отменяет и не может отменить непрерывности феномена *развития*, неодолимо ведущего и приводящего к сущностным изменениям.

И человечеству всегда только и остается, образно говоря, приспособливаться к этим непрерывно происходящим изменениям, пытаясь хоть что-то делать для их поддержки (или нейтрализации и торможения). Но – если абстрагироваться от исключений – все сознательно предпринимаемые государством на разных уровнях и с разных позиций усилия осуществляются с запозданием, *после* свершения тех или иных событий или с той или иной степенью социальной значимости заявивших о себе фактов. И это, по сути, *вынужденное*, малоэффективное запаздывание в принятии каких-то мер, объективно являющееся одной из самых актуальных и социально болезненных проблем, всегда ставило (и продолжает ставить) исследовательскую мысль перед необходимостью выявления возможностей и путей их реализации.

При этом надо признать, что так или иначе, но неотложная необходимость искомого решения всегда не только признавалась, но и воплощалась в жизнь. Отсюда – непрекращающееся стремление разработки не только специальных прогностических методов, но и прогностики как области

научного, то есть верифицируемого и воспроизводимого знания. И, думаю, ни у кого не может быть сколько-нибудь существенных аргументов против этих устремлений, продиктованных испытываемой потребностью проникновения в будущее.

Но, уповая на ожидаемые результаты в становлении прогностического знания, нет, наверное, необходимости находиться в состоянии пассивного ожидания. И значит, хочешь не хочешь, а надо стараться найти ответ не столько на печально известный, не уходящий из нашей жизни вопрос: «что делать?», сколько: «что *нужно и можно* сделать?».

И, как представляется, такая постановка проблемы не только правомерна, но и реально продуктивна.

С ДРУГОГО КОНЦА. Если поиск исторически необходимого ответа попытаться рассматривать как подлежащую научному решению проблему, то он – этот ответ – должен быть представлен и сформулирован как *исследовательская задача*. А такая задача изначально представляет определенную совокупность условий, из которых проистекает (и в контекстных границах которых проявляет себя) необходимость поиска искомого решения. Следовательно, если возникновение противоречия между намечаемыми управленческими планами, предпринимаемыми активными действиями и достигаемыми результатами, как правило, социально негативно, если между выдвигаемыми целями и их практическим осуществлением имеется недопустимая разительность несоответствия, а предпринимаемые усилия для его устранения не приводят к его разрешению, то с объективной убедительностью заявляет о себе *методологическая ущербность логики*, лежащей в основе принимаемых решений и проявляемых усилий.

Ведь в тех случаях, когда не только осознается необходимость предпринять востребованные временем, обстоятельствами, конкретной ситуацией неотложные усилия, но и что-то конкретное для этого делается, причем активно и, казалось бы, ответственно, *а результаты не те* (и именно такая практика носит признаваемо постоянный характер), то либо делалось не то, что нужно, либо задача не так была поставлена.

Конечно, для принятия конкретного решения в реальной действительности есть множество – очень близкое к бесконечному – вариантов. И в каждом конкретном случае при достижении негативного результата могут быть свои исключительные объяснения. И казалось бы, такая открыто дилеммная постановка вопроса изначально не учитывает этого потенциально возможного многообразия. Но в тех случаях, когда усилий при их безграничном разнообразии было проявлено множество, а результаты те же, заявляет о себе не только возможность, но и необходимость именно такой постановки вопроса. Ибо мы оказались перед выбором: либо «работать еще лучше», либо признать, что мы «не то делаем». И тогда, если не отбрасывать, как говорится, с порога, возможности такой дилеммы, буквально заявляет о себе необходимость ее разрешения.

И у нас, если мы действительно этого хотим, если не только устали от разрушительной бесконечности нами же предпринимаемых усилий и недостижимости выдвигаемых целей, но и признаем, что так дальше продолжаться не может, и мы не должны каждый раз бросаться из одной край-

ности в другую; тогда ничего другого не остается, как положиться на системную способность находить не просто нужные, а *оптимально возможные* решения. И ничего другого не остается, как признать, что надо как-то иначе, с каких-то других позиций пытаться решать даже те проблемы, которые требуют сиюминутных действий.

Но для этого нам надо понять, какими они должны быть, и, следовательно, определить, на чем они должны быть основаны. И значит, коль скоро у нас нет, несмотря на все прилагаемые усилия, ответов на вопросы, как же следует действовать, чтобы вместо ожидаемых и желательных результатов не породить негативных последствий, нам ничего другого не остается, как обратиться к тому, что всегда спасало человека – к разуму. И не к рассудительности, не к здравому смыслу, а именно к тому, что древние греки называли *ноос*, и что, как известно, лежит в основе теории о ноосфере, созданной великим ученым – В. И. Вернадским.

Необходимость подчеркнуть в данном контексте существенные различия между этими понятиями объясняется тем, что такие определения, как «разумность» и «здравый смысл», определяют степень взвешенности принимаемого решения, нескрываемую обеспокоенность по поводу возможных последствий, а «разум» – его новизну и степень содержательного отличия от существующего. С позиций теории ноосферы, человек сумел занять существующее положение в природном мире единственно благодаря своей способности не только приспособливаться к нему, но и преобразовывать его. И делал он это исключительно благодаря своему уму. При этом его интеллектуальные усилия, как правило, определялись какой-то целью, а не самими условиями, что изначально отрицало какую бы то ни было фатальность и тем самым делало человека объективно *свободным*, оставляя за ним не только возможность выбора, но и создания того, чего раньше *не было*.

И если, как принято считать, «вначале было слово», то именно эту способность вербально отразить увиденное или выразить свою потребность человек сумел превратить в *мысль* и тем самым обрел способность *«удваивать»*, то есть *преобразовывать мир*. Декартовское «*Cogito, ergo sum*» «Я мыслю, следовательно, существую» (*лат.*) очень точно отражает принципиальные изменения, происшедшие в философском осмыслении взгляда человека на самого себя. И фундаментальность этого осмысления состоит именно в том, что удалось понять принципиальность различий между накапливаемым и закрепляемым в традициях опытом, обеспечивающим и призванным обеспечивать стабильность бытия, и интеллектом, раскрывающим пути его целенаправленного преобразования. Причем именно Декарт (как, пожалуй, никто другой) сумел понять преобразующее величие человеческого мышления, основанного не только на безграничной свободе проявления в органическом единстве с законами логики и математики, но и в такой же неразрывной связи с интуицией. Человеку дана от природы способность не только думать, но и *додуматься, догадаться, придумать*. И все то, что называется *инсайтом*.

И, может быть, эта великая предназначенность роли и исторической судьбоносности человеческого мышления не только не ослабевает, а с каждым веком все больше усиливается из-за того, что жизнь в ее непрео-

долеваемой противоречивости непрерывно создает и порождает проблемы, требующие в своей содержательной уникальности поиска принципиально новых, то есть *не стандартизированных решений*. И научное знание – являющееся концентрированным отражением социальной потребности человеческого сообщества – призвано быть тем разумом, который, по определению, должен оказаться способным находить такого рода решения. Или – по крайней мере – их *оптимальный вариант*. Особенно это уточнение значимо, когда речь идет о проблемах, априори не имеющих завершающего решения, в сути своей неподвластного человеку, его воле и сколь угодно развитой интеллектуальной мощи. И нахождение исторически возможного достижения требуемой оптимальности является такой же социально значимой задачей, как и любая другая научная проблема. Человечество, будучи составной частью биосферы, не может (и, хочется думать, никогда не захочет) лишать себя всего того, что дает ему его собственная принадлежность к природе. Ведь даже такой выдающийся хирург, как Н. Амосов, видел возможность сохранения и продления биологической жизни своей *голове*, но только *после смерти*.

Кто захочет отождествить свою жизнь только с интеллектуальными усилиями мозга, отказавшись от удивительного в своем многообразии мира испытываемых чувств, надежд, переживаний? Тем более, что без этой удивительной по силе своего воздействия эмоциональной наполненности, приносящей человеку радость и печаль, любовь и разочарование, страсть и равнодушие, жалость и гнев, сострадание и неприязнь, успокоенность и порыв, о каком бы то ни было «интеллектуальном» усилии говорить не приходится. Интеллекту ведь тоже надо на чем-то основываться. И без этой эмоциональной подпитки ему, образно говоря, не пробудиться. А поиск оптимального, то есть не только необходимого, но и самого лучшего в данных условиях, решения изначально может быть продуктивен только на основе неразрывности единства интеллектуальных усилий и эмоциональной неудовлетворенности его существующими вариантами.

И именно эмоциональная неудовлетворенность бесконечной неэффективностью предпринимаемых усилий поисков ответа на вопрос: «что делать?» и непосредственно принимаемыми в соответствии с ним решениями является той побудительной причиной, которая требует поиска принципиально другого ответа. А если принципиально другого, то, может быть, искать «не с этого», а «с другого конца»? И значит, вообще не стоит пытаться ответить (коль скоро это не приводит к желаемым результатам) на этот извечный и не уходящий из нашей жизни вопрос? Может быть...

Но тогда – как?

ИЗ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КЛАДОВОЙ, ИЛИ ВОЗВРАЩЕНИЕ К ПЕДАГОГИКЕ. Бывает же так, что какое-то событие, случай буквально преобразует то, что тебе казалось до этого понятным и не требующим особых размышлений. И ты оказываешься в ситуации, которая может быть представлена в такой (достаточно реалистичной) зарисовке. Шел человек, будучи уверенным, что идет туда, куда ему нужно. И не просто шел, а старался идти как можно быстрее. И вдруг, неожиданно для самого себя, спросил у встречного: «правильно ли я иду?». И, к ужасу своему, услышал: «Нет, неправильно. Тебе в противоположную сторону».

Но из такой ситуации, сколько бы неприятной она ни оказалась, по крайней мере, понятно, как выбираться. И она не может быть той аналоговой подсказкой, которая помогает понять, как выбираться из неизмеримо более сложной и требующей неотложного ответа ситуации, когда надо найти ответ на вопрос: «что действительно делать?».

Но между прочим нашим популярным радиостанциям удалось найти, как им представляется, решение этой проблемы. Они – просто и незатейливо – обращаются к мнению слушателей и предлагают им ответить на ими же сформулированный вопрос. И получаемое процентное соотношение голосов слушателей как бы является определенным социальным индикатором общественного мнения. И дело даже не в степени репрезентативности полученных ответов, а в самой логике их социального проявления.

И вот именно одна из таких радиопередач, которую вел известный своей брутальной развязностью ведущий, буквально заставила прийти к неожиданному выводу. Обсуждалась сугубо конфликтная ситуация, вызванная очередным депутатским предложением, внесенным на обсуждение Государственной Думе. И радиослушателям предлагалось разрешить проблему, предложить пути ее практического осуществления.

И тут, как из рога изобилия, посыпались всевозможные варианты требуемого решения. В результате из этого набора прозвучавших предложений (каждое из которых вроде бы отвечало на вопрос: «что делать?») нужно было выбрать два *противоположных* и поставить их на голосование. Подсчитанные голоса, как предполагалось, станут той «палочкой-выручалочкой», которая приведет к нужному (в сути своей, близкому к сказочной легкости) решению.

Но так просто получается только в сказке. В жизни действуют совершенно другие законы, и сочинителями их являются не талантливые сказочники, а бездушно и формально рассудительные логики. И поэтому те решения, которые щедро предлагали радиослушатели, не решали сколько-нибудь продуктивно обсуждаемую проблему, а уводили от требуемого решения. И возникающее в таких обсуждениях некое подобие дискуссии не только зачастую выдается за поиск коллективного решения, но и действительно воспринимается общественным сознанием в качестве такового. Особенно если судить по бесконечным телевизионным ток-шоу и радиопередачам, проводящим такого рода обсуждения.

Но при всей интеллектуальной беспомощности каждодневно проводимых псевдодискуссионных обсуждений от них просто так не отмахнешься. И не только потому, что они – мощное средство манипулирования общественным сознанием, но и потому, что они еще в большей степени отражают потребность человека лично откликнуться на волнующую его проблему. И при этом он бывает искренне убежден, что именно его мнение и отвечает на волнующий всех вопрос, и помогает решить проблему.

Вот и в той радиодискуссии каждый старался ответить на вопрос «что делать?», и как ни старался ведущий добиться сколько-нибудь приемлемого ответа, повторяя: «так что еще можно сделать?», ничего путного из этой активности слушателей ему получить не удавалось.

И вот тогда, слушая беспомощные призывы ведущего дать «правильный ответ», возникла мысль: а может быть, вопрос нужно перед слушателями поставить иначе? *Принципиально иначе.*

Ведь, обращаясь к участникам с тем или иным актуальным вопросом, мы не можем не понимать, что такой вопрос возник, грубо говоря, не вчера и волнует нас именно потому, что ни в общественном, ни в научном сознании на него *нет ответа*. И каждый участник обсуждения может что-либо сказать только в меру своего опыта или эрудированности, то есть воспроизвести *уже наличествующие* в общественном сознании ответы.

Но коль скоро они не снимают актуальности проблемы и она выносятся на широкое общественное обсуждение, то ни каждый из них в отдельности, ни все они вместе взятые не являются именно тем ответом, в котором общество нуждается. И дискуссионное столкновение мнений изначально и по определению, вопреки известному афоризму – «в споре рождается истина» – к истине не ведет и вести не может. А столкновение разных мнений, кажущееся путем, ведущим к истине, безотносительно к мотивации всякого рода организаторов такого рода «дискуссий», основано на игнорировании или незнании аристотелевской силлогистики.

А из нее с неопровержимой доказательностью следует, что вера в любое публичное обсуждение проблемы как средство выявления истины (чему, к сожалению, немало способствует юридическая судебная терминология) не только иллюзорна, но, и по сути своей, не безвредна. Ибо, как известно, из двух противоположных суждений действительно только одно может быть истинным, и это тот вывод, против которого не возразишь. Но это совсем не значит (о чем умалчивают или не знают) участники всякого рода дискуссионных обсуждений, круглых столов, ролевых игр и т. д., что с еще большим успехом они – эти «противоположные суждения» – могут быть с равным успехом *ложными*. И если «истинных» может быть только одно, то «ложных», то есть «неистинных», бесконечное (в прямом смысле этого слова) множество.

И, как это ни покажется странным, именно формальная неопровержимость законов великого мыслителя, как ничто другое, способна вывести нас из создавшегося тупика, образованного неотложной актуальностью вопроса: «что делать?» и признаваемым отсутствием искомого ответа. Ведь если из существующего в общественном сознании множества ответов на поставленный вопрос нет необходимого ответа, то есть все предложения не могут привести к положительным результатам, то ничего другого не остается, как попытаться понять – «почему?». И одним из возможных логических оснований для требуемого объяснения является вывод, что обсуждаемый вопрос не может быть разрешен в процессе дискуссионного столкновения мнений и проведения сколь угодно увлекательных игр, ибо является еще научно *непознанной проблемой*.

И именно такой вывод для нашей дискуссионной культуры и всех жидущихся на ней формах вербальных обсуждений является буквально парадигмально значимым. Ибо он исходит из обязательности признания принципиального различия между вопросом, порождаемым бытовыми и межличностными потребностями и отношениями, и вопросом, по природе своей являющимся объектом *научного познания*. И если бы сколь угодно

активные вербальные усилия могли решать именно такие проблемы, то существование науки как таковой было бы ненужным и – при таких затратах – просто бессмысленным. *Не может сколь угодно усердное вербальное рефлексирование подменять науку.*

Но при таком подходе мы оказываемся вынужденными ждать, пока наука сможет дать нужный нам ответ. А это не только трудно, но и бывает невозможно. Жизнь-то требует незамедлительных решений. И вовсе не фантазеры сформулировали известный принцип: «здесь и сейчас», а не-отступная необходимость.

Но если вербальные усилия, проявляемые в дискуссионных столкновениях мнений, и наличествующий уровень научного знания не приводят к нужным ответам на вопрос: «что делать?», и мы вынуждены это признать, то остается одно из двух: либо мы вообще отказываемся от непрекращаемых попыток найти сколько-нибудь обобщенный ответ (как отказались от решения проблемы создания *perpetuum mobile*), либо надо поставить и сформулировать волнующую нас проблему, но, как отмечалось, в виде *другого вопроса*.

И надо сказать, что определенный вариант такого «другого вопроса», обусловленный общечеловеческой мудростью и обеспокоенностью по поводу возможных и при этом нежелательных последствий, нам всем хорошо известен.